

«Лествица»: зачем мирянам читать текст для монахов-аскетов?

Размышляет протоиерей Андрей Кордочкин

«Лествица» — одно из самых известных христианских аскетических сочинений. Значимость этого текста настолько велика, что его автор — преподобный Иоанн (VI-VII вв.) — даже вошел в историю с прозвищем «Лествичник». О том, почему Церковь предлагает верующим читать эту книгу в Великий Пост, что мирянин может найти в сочинении, написанном для монахов и насколько рекомендации «Лествицы» актуальны для жителя современного мегаполиса размышляет настоятель храма святой равноапостольной Марии Магдалины в Мадриде, выпускник богословского факультета Оксфордского университета **протоиерей Андрей Кордочкин.**

«У этой лестницы нет последней ступени»

– Сегодня среди верующих существует два условных лагеря. К первому принадлежат такие интеллектуалы, которым интересны только богословско-философские темы, а аскетика (в том числе и «Лествица») для них нечто второстепенное. Во втором лагере позиция прямо противоположная: аскетическая литература воспринимается как прямое руководство к действию, а малейшее отступление от святоотеческих предписаний – как вопиющее преступление. Как найти «золотую середину» между этими двумя крайностями по отношению к «Лествице»?

– Мне кажется, что примером «золотой середины» можно считать самого Иоанна Лествичника.

Был ли он интеллектуалом? Безусловно – он глубокий, начитанный, вдумчивый. В то же время, очевидно, что, он не был кабинетным богословом и сам пережил все то, о чем писал. Вообще, богословие – это не умствование, это опытное познание Бога и заключение этого опыта в слова. Поэтому другой христианский

богослов и монах, Евагрий Понтийский, писал за несколько столетий до Лествичника: «Если ты богослов, то будешь молиться истинно, а если истинно молишься, то ты – богослов».

Кроме того, нужно сказать, что не только в христианстве, но и в классической – античной – философии приближение человека к Богу не мыслилось в отрыве от аскетического усилия. Вспомним стоиков, или учение Платона о страстях. И если бы мы спросили у святителей Иоанна Златоуста или Григория Нисского, являются ли они «догматическими» или «аскетическими» писателями, они едва ли поняли бы, о чем мы их спрашиваем. Когда человек поднимается по лестнице, то он поднимается целиком – не может голова подняться, а ноги остаться внизу, или наоборот.

Кстати, именно у Григория Нисского Иоанн Лествичник мог позаимствовать свой ключевой образ. В трактате «О Блаженствах» Григорий уподобил заповеди Нагорной проповеди лестнице, ведущей в небо. А в трактате «Жизнь Моисея» он говорит, что у этой лестницы нет последней ступени: «Моисей, всегда бывший великим, нимало не останавливается в восхождении, не полагает себе никакого предела в стремлении к горнему: но однажды вступив на лестницу, на которой, как говорит Иаков, утверждается Бог (Быт 23,13), непрестанно восходит на высшую и высшую ступень, и не престаёт возвышаться; потому что и на высоте находит всегда ступень, которая выше достигнутой им».

– А известны обстоятельства написания этой книги? Она действительно создавалась только для монахов? Тогда зачем ее читать мирянам?

– Действительно, эта книга была написана монахом для монахов. Иоанн Лествичник создал ее по просьбе другого Иоанна, игумена соседнего Рифского монастыря. В то же время, даже в древности круг ее читателей никогда не был исключительно монашеским.

Так, например, Симеон Новый Богослов (X-XI вв.) нашел «Лествицу» в родительской библиотеке.

В России эта книга тоже была очень популярна среди мирян. Известно, что её любил Гоголь, и

Акакий Акакиевич из «Шинели» – по одной из версий, перерождение одноименного персонажа из 4-ой главы «Лествицы».

Зачем мирянам читать то, что написано не для них? Дело в том, что монахи не сделаны из другого теста. Они не читают другое Евангелие. Условия жизни в семье и в монастыре разные, но искривления человеческой души, обычно именуемые страстями, одни и те же. Поэтому «Лествица» к месту и в миру, и в монастыре.

Впрочем, **есть две темы, в отношении которых жизнь в миру и монастыре отличаются радикально.** Если семейный человек слепо примерит к себе монашеские идеалы послушания и целомудрия – это станет для него катастрофой. Никто из монахов-подвижников не говорил о том, что отношения мирянина и духовника должны быть такими же, как отношения монаха и игумена монастыря. Что касается целомудрия – оно является идеалом и в браке, но, конечно, не в том смысле, что для монаха. Семейный человек, имитирующий монаха, – это такая же катастрофа, как и обратный пример.

«Чрезмерная аскеза ничуть не менее опасна, чем ослабление в подвиге»

– Возможно ли вообще подняться по этой лестнице человеку в миру – с его каждодневными заботами, тревогами, суетой? Ведь для борьбы со страстями преподобный Иоанн предлагает, например, молчание, сокращение сна, бесстрастие. Но исполнить все это живя в мегаполисе едва ли возможно...

– Что касается сна, то мне сложно представить себе работающего жителя мегаполиса, страдающего от его избытка. Тем, кому по работе или из-за ночного сидения перед компьютером не удастся выспаться, стоит напомнить слова из краткого жития самого Иоанна:

«Сна принимал он столько, сколько необходимо было, чтобы ум не повредился от бдения».

Что касается жизни в современном монастыре, то и она может не оставлять особых возможностей для духовных полетов. Стройка, рабочие, паломники – да мало ли что. Но, несмотря на кажущиеся внешние препятствия, за редкими исключениями человек оказывается в обстоятельствах, наиболее благоприятствующих его спасению.

Вы упомянули слово «бесстрастие», но нужно вернуться к правильному пониманию этого термина. Никто не говорит, что у человека должен быть тот же спектр переживаний и чувств, что у холоднокровной рыбы. «Заблуждаются те, которые говорят, что некоторые из страстей естественны душе; они не разумеют того, что мы сами природные свойства к добру превратили в страсти», – пишет Лествичник.

Бесстрастный человек – не тот, кто не испытывает чувств, а тот, у которого все чувства на своем месте.

В святоотеческой традиции эта мысль повторяется из раза в раз. Так, Григорий Нисский писал: «Все, происшедшее от скотского бессловесия и взятое в отдельности при худом употреблении ума стало пороком; как и наоборот, если рассудок воспримет власть над такими движениями, то каждое из них превратится в вид добродетели. Так раздражительность производит мужество, робость – осторожность, страх – благопокорность, ненависть – отвращение от порока, сила любви – воздержание истинно прекрасного, а величавость нрава возвышает над страстями и образ мыслей сохраняет не поработанным злу. Такой вид возношения духа восхваляет апостол, повелевая постоянно мудрствовать горняя (Кол 3, 2). Так можно найти, что всякое такое движение, возносимое возвышенностью мысли, соотносится с красотой того, что по образу Божию». Возвысим мысли, и чувства встанут на место.

– Но нет ли опасности, что неподготовленный человек, прочитав «Лествицу», впадет в аскетическую крайность, возьмет на себя такие подвиги, к которым он пока не готов? Как избежать этих перегибов и не впасть в отчаяние перед громадой своих грехов?

– Для того, чтобы не «переборщить», нужно всерьез принять то, что Лествичник называет «рассуждением». Этой теме он посвящает 26-ю, самую длинную главу своей книги, которая, во многом,

суммирует предыдущие главы. Подвиг должен быть сообразен с обстоятельствами, физическими и духовными силами человека. Пастырь, не имеющий дара рассуждения, приводит людей к катастрофе. «Что иногда бывает врачевством для одного, то для другого бывает отравой; а иногда одно и то же одному и тому же бывает врачевством, когда преподается в приличное время, не вовремя же – бывает отравой», – говорится в «Лестнице».

Вообще, святые отцы однозначно говорят о том, что чрезмерная аскеза ничуть не менее опасна, чем ослабление в подвиге. Знаменитый святой аскет Иоанн Кассиан писал: «Некоторые часто жестоко сокрушали себя постом и бдением, пребывали в пустынном уединении, доходили до такой нестяжательности, что не оставляли себе и на один день пищи, и до того исполняли долг милостыни, что не оставалось у них средств для подаяния. Но после всего этого они жалким образом уклонились от добродетели и впали в порок. Что же было причиною их прельщения и падения? По моему мнению, не что иное, как недостаток в них рассудительности. Ибо она учит человека идти царским путем, сторонясь крайностей с обеих сторон: с правой стороны не допускает обольщаться чрезмерным воздержанием, с левой — увлекаться к беспечности и расслаблению».

Думаю, что человек, который ощущает, что может «впасть в отчаяние перед громадой своих страстей» должен понимать, что имеет дело с искушением.

Да, мы просим Бога, чтобы он дал нам «зрети наша прегрешения». Но Господь открывает их милостиво, шаг за шагом, не сокрушая нас, а давая надежду на исправление.

Лестница – образ, который предполагает, что человек смотрит вверх и вперед, а не вниз и назад. Человеку полезно хранить сокрушение о прошлых грехах, это хорошая прививка от

высокомерия и высокоумия, но слишком часто диавол смущает человека воспоминаниями о прошлом, лишает его дерзновения. Об этом писал схиигумен Иоанн из Ново-Валаамского монастыря в Финляндии:

«Иногда прежние события так напомним, точно молотом ударят по голове... Прежние события надо заменить другими мыслями, и постепенно прежние воспоминания вытесняться прочь и тоскливость пройдет».

И в другом письме: «Успокойся и не смущайся; это враг наносит тебе воспоминания о прежних погрешностях; их не надо принимать, просто не обращай внимания».

«Заставь дурака Богу молиться – он и лоб расшибет»

– **Какие мысли в «Лестнице» Вам кажутся особенно важными для сегодняшнего человека?**

– То, с чем мне приходится сталкиваться постоянно – это образ греха, как преступления, нарушения правила. Священник в этом случае, «властью ему данной», будто бы должен через таинство

исповеди амнистировать человека для возможности его причащения. **Для Лествичника человеческие грехи и страсти – это болезни, а не преступления.** Потому в книге так часто возникает образ врача, особенно в дополнении к ней – «К пастырю».

Что в этой книге самое важное – на этот вопрос нет ответа для всех. У каждого свое «самое важное». Внимательный читатель остановится на одной из страниц и скажет: «Вот, это про меня». И даже прочитав за свою жизнь эту книгу несколько раз, он остановится над одной из фраз и подумает: «Как же я не заметил этого раньше?»

Мне кажется, что для сегодняшнего человека, который движется по кругу, от понедельника до понедельника, от отпуска до отпуска, важен сам образ восхождения на небо – «настоящее небо, от которого это – только малая часть», как пелось в одной песне.

А еще в одной, не менее известной песне Led Zeppelin «Лестница в небо» (Stairway to Heaven) есть слова: «And as we wind on down the road our shadows taller than our soul» (И когда мы идем по дороге, наши маленькие души отбрасывают длинные тени). Образы «Лествицы» дают надежду на то, что душа человека может стать больше, чем та тень, которую он отбрасывает.

– Кому бы Вы рекомендовали читать «Лествицу» в первую очередь, а кому стоит пока к ней не приступать?

То, что Церковь особым образом выделяет эту книгу в самые важные подготовительные к Пасхе дни, неслучайно. Пост выявляет в человеке не самые сильные, а самые слабые стороны. Когда они выходят на поверхность, человек задает вопрос: что со мной происходит? Как преодолеть раздражение, лень, тщеславие? Если человек задает эти вопросы, «Лествица» – незаменимый помощник.

Я думаю, что за эту книгу стоит взяться именно тому, кто пытается разобраться со своим “душевым хозяйством” (*Прим.: цитата священника Александра Ельчанинова*), понять причины того, что с ним происходит. Пока человек видит свои успехи или неудачи в духовной жизни в исполнении (или неисполнении) формальных правил (съел – не съел, вычитал – не вычитал) – творение преподобного Иоанна ничего ему не даст.

«Лестница» – это книга для тех, кто хочет стать умнее. Неслучайно основная часть книги заканчивается главой о рассуждении, где подводится итог предыдущим главам. Рассуждение – это проявление ума. А отсутствие рассуждения – это проявление глупости. О том же прямо говорит русская пословица: «Заставь дурака Богу молиться – он и лоб расшибет». И у отца Александра Шмемана в «Дневниках» есть слова о глупости, как первичной форме греха. Как ни странно, эти слова по сути совпадают с «Лествицей» и пониманием рассуждения не только как добродетели, но и условия духовной жизни как таковой.

– Какой должен быть настрой у того, кто начинает читать книгу преподобного Иоанна?

– Конечно, «Лестница» предполагает замедление ритма. Это книга для неторопливого чтения, её не стоит чередовать с просмотром ленты в «фейсбуке» – что новенького? Это замедление ритма для человека, живущего в городе, связано с сознательным усилием, причем немалым.

– Многие люди сегодня жалуются, что текст «Лестницы» сложен для понимания. Могли бы Вы посоветовать какие-то другие переводы, толкования или комментарии, которые помогут лучше понять эту книгу?

– Когда я писал диссертацию о «Лествице», мне довольно близко пришлось работать с греческим текстом и его английскими переводами. Я не считаю, что перевод «Лествицы» устарел, и читается он едва ли с большим трудом, чем классическая русская литература середины XIX века.

Мне кажется, что при чтении книги важно было бы иметь возможность посоветоваться с более опытным человеком – может быть, старшим другом, не обязательно священником – который помог бы разобраться с трудными местами.

Существует немало древних схолий – комментариев на полях, есть толкование византийского автора Никифора

Ксанфопула, которое, насколько я знаю, не было переведено на русский язык. Однако сами эти комментарии стали, в известной мере, архаичными и нуждались бы в толковании. Мы упомянули Гоголя, «Мертвые души» – это доступное изложение учения Лествичник о человеческих страстях. На английском языке есть толкование этой книги для мирян «Ascending the Heights: A Layman's Guide to The Ladder of Divine Ascent», написанное священником Иоанном Мэком. Также есть книга игумена Германа (Осецкого) «Лествица до врат небесных. Как читать «Лествицу» мирянину».

А для меня самым лучший комментарий к этой книге – сам монастырь святой Екатерины на горе Синай, и та природа, что его окружает. Вместо того, чтобы изображать из себя Моисея вместе с несколькими десятками туристов, лезущих утром с фонариками на вершину горы, лучше помолиться на утреннем богослужении. Днем можно пройти пешком к пещере, которая была домом автора «Лествицы» на протяжении 40 лет. А еще нужно постоять перед знаменитой иконой Спасителя VI века в монастырском музее, чтобы почувствовать, что «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр 13.8). Лучшего комментария и быть не может.